

Зовите меня Измаил. Несколько лет тому назад – когда именно, неважно – я обнаружил, что в кошельке у меня почти не осталось денег, а на земле не осталось ничего, что могло бы еще занимать меня, и тогда я решил сесть на корабль и поплавать немного, чтоб поглядеть на мир и с его водной стороны.

Герман Мелвилл "Моби Дик или Белый кит"

Мужики и бабы

«Когда гляжу несжатые поля, мне хочется добавить слово «бля». С таким, поистине некрасовским размахом завершилась моя попытка воспеть сельское хозяйство, напрочь убитое реформами «бандуельцинаподсуд».

Я находился в загадочном треугольнике, сторонами которого служили реки Волга, Унжа и Ветлуга среди коренного народа «меря», ставшего когда-то, наряду со славянами прародителем великорусского этноса и подарившего русскому языку суффиксы и окончания. Когда б не меря, трындели бы мы по-български – одними согласными.

Нынче угро-финское происхождение выдает местного жителя только нескончаемым упрямством да редкой выживаемостью в окрестной тайге. Кормится он с реки и от новых русских, усыпавших коттеджными поселками все сходы к воде, до которых дотянулся асфальт.

Бригадир Семен топчется в прихожей, а разгоряченные выпивкой городские обсуждают в чисто мужской компании животрепещущую проблему - кого выгоднее иметь: жену, любовницу, либо ходить к проституткам.

Склоняются к последнему варианту и тут бригадир не выдерживает. – Да как же без жены? На бабе все хозяйство держится. Жена ведь она как (он обводит глазами кухню в поисках подходящего предмета) и удовлетворенно заканчивает фразу, - жена она ведь как помойное ведро,хватишься, а без него никуда.

Семен косит под простачка, но на самом деле давно поставил дело на поток и обирает дачников рентой, воспринимая их частью местной природы.

Ко мне он проникся расположением, так как я единственный не отказываюсь от предлагаемого им самосада и поддерживаю разговоры о колхозном житье-бытье. Он показывает мне «брунихин камень» - капище его предков, названное по бабке Брунихе, убитой тем прилетевшим с неба камнем. Камень тонны полторы. Любопытство гложет и хочется проверить его метеоритное происхождение, но читанная в детстве легенда о грабителях пирамид пресекает святотатство.

Мы идем на стан и видим там трактористов, разглядывающих с высокого бугра пятно на середине реки. Утопленник. - Рыбак всплыл, говорят удовлетворенно

из толпы. – Может, баба? А что бабе на реке делать? Рыбак. Бабы те всегда жопой всплывают, а этот, погляди, пузом вынырнул. Рыбак.

Бабы, в свою очередь, отвлекаются на подошедшего председателя. - Сергей Геннадьевич, ты пошто велел племенного быка на мясо пустить? Вопрос с подоплекой. На ферме искусственное осеменение, а быка держат за колхозный счет для покрытия домашних коров. Председатель отшучивается. – Вам что, мужиков мало, от быка толку при осеменителе нет, только овес жреть. – Нет, не прав ты, Геннадьич, горячатся бабы, - А на доебку. Доебку ты что ли будешь после осеменителя делать?

Пошумев, все расходятся по домам, скотину обихаживать, да сериал смотреть. Апрель затяжной, и до посевной есть время.

Нувориши и гангстеры

- Это молния. Шаровая молния. Видите след на стене остался. Она через трубу влетела, в парилке и взорвалась.

Стоя возле полу- сгоревшей бани, я выслушиваю объяснения сторожа Валентина. Баня сгорела вчера вечером в процессе растопки, производимой тем же Валентином и теперь он ищет нестандартное решение в оправдание своего отсутствия на боевом посту.

А кабель со светильником из предбанника тоже молния захерачила? - ехидно вопрошаю я. – Бритва Оккама. Не стоит умножать сущности более необходимого. Валентин только разводит безмолвно руками. И он, и я знаем причину пожара. Снежный человек Василий Яковлевич был допущен уехавшим в райцентр по надобности сторожем следить за баней, обязуясь «скутать» ее после прогара углей. Он свинтил все электрооборудование для продажи в соседнюю деревню, а следы преступления скрыл неудачным пожаром. Бить его за пристрастие к зеленому змию, тем более предавать в руки закона бесполезно. Он обидится и, не дай Бог, сожжет дом. Теперь же, чувствуя себя виноватым, будет ни за понюшку табаку восстанавливать утраченное имущество.

Мы садимся на не пожелавшие стать дровами чурбаки покурить. – Что за Оккам такой, - вопрошает Валентин.

– Философ. 800 лет назад предвидел, что желание выпить зачастую будут объяснять шаровой молнией. Не бери в голову. Бери ноги в руки и дуй за гвоздодером. Завершим начатое природой.

Голова слегка гудела после вчерашних игр в пожарных и последующего отпевания бани с соседями. Борис Михайлович, соседский гость, прибывший из

Москвы на реабилитацию спустя год после известного дефолта 98 года, проел всю плешь разговорами за политику. Ночью он обвинил меня в антисемитизме за отрицание холокоста и воспевание Сталина.

В те времена российский народ только начинал деления на сословия, а интеллигенция – на либералов и сталинистов. Мысль, что люди возвращаются в одной культуре с равным багажом знаний и при этом находятся по разные стороны баррикад, только – только начинала приходиться в голову.

Сейчас он шел в мою сторону, заранее извиняюще улыбаясь и разводя руками. Видимо, жена с утра вставила ему пистон по принципу « в чужую синагогу со своим талмудом не лезь».

ЗдорОво, Барух Моисеевич, - избавляю я его от необходимости неловких объяснений.

- Грех смеяться над старым евреем. Я вчера был неделикатен, забыл, что у Вас горе, принесенное Вам русским народом.

- Это горе – не горе. В каждой деревне должен быть свой юродивый и своя кликуша. Не будь Василия Яковлевича, пришлось бы другому стать клоуном среди пидарасов. Например, Вам или мне. Это не я, это Пелевин так выразился. Вот Ельцин помрет от пьянства, еще найдется клоун. Не сыграй Екатерина Вторая роль матушки кликуши, кто бы евреев дворянством жаловал? Не Суворов же. Он, помнится, жидов недолюбливал.

- Опять Вы за свое. Мой прадедушка, между прочим, получил дворянство вполне по праву, выслужив до чина действительного статского советника.

- Мои поздравления. Вы, то есть, также себя дворянином считаете. А налоги платите?

- Разумеется. Как любой законопослушный гражданин.

- Ну, тогда никакой Вы не дворянин, а обычное податное сословие. Дворяне платили налог кровью государю, а не деньгами в казну.

Разговор плавно переходит на вечную тему холокоста, кровавой гэбни и «немцевтрупамизавалили». Одновременно с оппонированием тезисам моего визави, мы с Валентином умудряемся разбирать завалы после пожара.

Немногословные в таких случаях женщины приносят выпить и закусь.

К разговору подключаются соседи, испытавшие на себе идеологему времен дефолта – сколько у государства не воруй, а своего не отобьешь. В падении рубля винят коммунистов. Я остаюсь в меньшинстве и ухожу спать.

А утром... Утром раздается звонок и телефон голосом Сергея Геннадьевича, председателя колхоза имени Ворошилова, на чьих землях мы, мелкие городские нувориши и олигархи, пару лет назад поселились, извещает о рейдерском захвате вверенных ему территорий.

Он просит помощи живой силой и техникой, поскольку ребята, приехавшие скупать у местных жителей паи на землю, выглядят, по его словам серьезно. Помощи ни от районной администрации, ни тем более от милиции ждать не

приходится.

Про скупку паев у работников окрестных колхозов, имевших несчастье расположиться на курортном берегу Волги, я слыхивал и ранее. Интересуюсь, сколько активных штыков привлек захватчик.

- Три машины, одна с нотариусом и юристом, две с охраной. Договоры заключают прямо на площади, тут же дают по двадцать тысяч наличными. Человек тридцать уже подписались и в сельпо побежали отовариваться. Продают местные пьянчужки и учителя.

- Сельская интеллигенция, мать ее. Говно нации. Лихорадочно думаю, где взять три авто в условиях, когда все соседи еще не отошли от вчерашней пьянки.

Через час подгоняемые угрозами утопления и глотками коллекционного виски, соседи садятся за баранки своих паркетников и колонна, заполненная для солидности пехотой из жен и домочадцев, пылит по дороге в сторону центральной усадьбы. Выглядит солидно, как похоронная процессия. Прошу никого не выходить из авто и стекол не открывать, дабы не показывать коварному врагу свои слабые места. Лихо паркуемся на пыльной площади и я выхожу на разборку, ощущая себя Давидом, вышедшего на битву с Голиафом. «Голиаф» действительно на две головы выше меня ростом и со стороны наш неслышимый диалог должен выглядеть комично.

- Кто тут у Вас главный?

- А ты кто?

- Смотрящий за этой территорией. По поручению Климента Ефремовича Ворошилова.

- Что за фраер? А Юрку Долгорукова знаешь?

- Это какого? Ежели из Москвы, то знал одного. Но он уже помер.

- Да, нет. Наш из Заволжья.

Чувствую, что обмен верительными грамотами завершен.

- Слыхивал. Так как насчет главного.

- Ладно. Тебе кого, того, кто мазь держит или того, кто за базар отвечает.

- Ну, давай того, кто мазь держит.

- Не могу. Он в Италии загорает. А за базар я могу ответить.

Рассуждения на тему: а ты кто такой? – пожалуй можно и пропустить. В финале нашего, заканчивающегося боевой ничьей разговора, он достает из своего джипа бутылку водки и предлагает, распив ее, зарыть топор войны до личной стрелки Юры Долгорукова из Заволжья и нашего папы – Климента Ефремовича.

Несколько секунд вспоминаю технику питья «из горла» (пить надо не глотками, а выливая содержимое непосредственно в глотку) и закидываю в себя ровно половину. Голиаф одобрительно кивает и, закрутив бутылку в стремительном штопоре, одним махом выливает в себя остаток. Артист. Картинно садимся каждый в свое авто и разъезжаемся в формате знаменитого

разворота трех Волг в художественном кинофильме « Мертвый сезон».

Завтра будет собрание колхозников и моя грозная речь о восстановлении Советской власти на всей территории сельсовета с введением репрессий в отношении продавших пай. Им угрожает отказ в выделении колхозного сена и вспашке частных огородов колхозными тракторами. Будет тайное собрание старообрядцев – коммунистов, формально названное собранием актива с повесткой дня о выдворении чужаков и проведения новой коллективизации всей земли в интересах общества. Будет стрелка с Юрой Долгоруким из Заволжья, на которой он предложит кинуть колхозников с помощью юристов, но не найдет понимания.

Все это будет завтра. А пока мы едем продолжать беззаботное дачное существование на берегу великой русской реки Волги. Ну и, в какой другой стране мира можно получить в кровь столько адреналина в два обычных выходных дня?

За любовь. Не чокаясь.

В каждой женщине должна быть загадка,- так разводил я девушку Вику на близкие отношения.

- А какая загадка во мне, - улыбалась Вика.

- Два кольца, два конца, посередине гвоздик, - не выдерживал искушения мой сумрачный гений.

Это присказка.

А вот и сказка.

Ептить... Моптить...

Ептить... Моптить...

Соловьи за окном соревновались в искусстве обольщения невзрачных самок, я окончательно проснулся и решил подумать о любви.

Поскольку предмет был малознаком, а начинать надо всегда с дефиниций, попробовал мыслить аналитически. В последних классах средней школы, спасаясь от гормональных атак в спортивной секции, я рассматривал свои отношения с одноклассницами сугубо практично – обходил стороной.

Пропустив, таким образом, детскую влюбленность, перешел к любви юношеской, с которой также оказалось все непросто.

Смена географии и пересадка со школьной парты на университетскую скамью не привела к ожидаемому повышению качества женского материала.

Снижению образа способствовал, как ни странно, Александр Сергеевич

Пушкин. Прочитав в черновиках Евгения Онегина «Татьяна мнет в руке бумажку...», сложно сохранить прежнее романтическое отношение к героине.

Так Антон Павлович Чехов, проделав на лошадях путь от Москвы до Сахалина, в сердцах воскликнул – Надо же было проехать столько верст, чтобы лицезреть те же березы, что и в Рязани.

Культ Прекрасной Дамы, насаждаемый старофранцузской литературой посредством рыцарских романов, прекрасно сочетался с культом женщины - блудницы.

Первый шел от Девы Марии, второй – от Марии Магдалены.

Помещенные на варварскую почву бескрайней восточно - европейской равнины они создали причудливую картину, тактично названную методистами филфаков образом женщины в русской литературе.

Вот эту виртуальную реальность и заставили видеть во снах русских мужчин еще до появления первого планшетника.

Женщины интуитивно не скрывали своих первобытных инстинктов и рассматривали мужчин как конкурентов по пищевой цепочке. Большею частью они руководствовались вполне матримониальными советами своих матерей и женских журналов.

До тех пор пока матери были женами партработников, а журналы «крестьянками» и «работницами», отторжения такой подход не вызывал. По мере разрастания рыночных отношений прекрасный пол стал выглядеть более неприглядно...

- Тьфу ты ну ты. Всякая херня в голову лезет. Всем - купаться!

Шел по откосу, а в голову лезло окончание анекдота: так думала проститутка, завершая процедуру с клиентом.

На лавочке возле купальни сидел снежный человек Василий Яковлевич. Он пил самодельный коньяк из полиэтиленовой бутылки и рассматривал трех граций, элегантно заходящих в воду.

- Глянь, сосед, - каки бабы красивые. Раньше таких только в кино и видали. А как идут? Как пишут. Ну, павы, чисто павы.

Сделал большой глоток, матюкнулся вместо закуски и перешел на фальцет. – А вот ежели война? Или голод? Они же первые вымрут. Вот в наше время были девки. Как наденет штаны ватные и телогрейку – хрен от мужика отличишь. Но, живучие. Как кошки. А эти вымрут. К гадалке не ходи.

Он щедро плеснул мне в кружку. Ну, за любовь. - Не чокаясь, добавил я.

Мы пили коньяк, молчали и думали о превратностях женской судьбы. Каждый

по - своему.

Ептить... Моптить...

Ептить... Моптить...

Блюз служебных собак

В моем доме обитает Сука - по паспорту Грайфа фон Вишенталь, не больше, но и не меньше. На меньшее она не была согласна даже щенком, требуя полного титулования. «И прочая, и прочая, и прочая...».

Информация к размышлению

Пра-прабабка

Блонди (нем. *Blondi*) — немецкая овчарка, принадлежавшая Адольфу Гитлеру. Была подарена фюреру Мартином Борманом в 1941 году. В апреле 1945, в бункере под Рейхсканцелярией Блонди принесла приплод из пяти щенков.

Пра-прадед

немецкая овчарка Харасс, принадлежавшая вдове архитектора Пауля Трооста. Истинный ариец, Характер нордический, стойкий. Беспощаден к врагам рейха. Перед тем, как покончить с собой фюрер приказал своему лечащему врачу Людвигу Штумпфеггеру умертвить Блонди, дав ей таблетки цианида. Когда в бункер вошли представители советских войск, они обнаружили трупы Блонди и одного из щенков. Судьба остальных четырёх щенков, по мнению Википедии, осталась неизвестной.

Нам то она известна. Два кобеля отправились с Борманом в Латинскую Америку, а две суки поступили на службу в Советскую армию для участия в эксперименте по выведению собаки с человеческим интеллектом...

После моего звонка в питомник Министерства обороны, состоялся следующий разговор. – Мне нужен щенок немецкой овчарки. - Кобель - пожалуйста. - А сука? -А суками у нас лично занимается командир батальона.

Комбат прошел испытание армянским коньяком и честно поведал о тяжелой наследственности помета. Ударили по рукам, и на следующий день женская половина семьи приступила к поиску подходящего, не роняющего достоинства будущей звезды собачьих площадок имени. Держа в памяти известный анекдот про Двавахарлала Неру (как ты запомнил такое длинное имя? да уж больно на «@б твою мать» похоже) я предложил назвать щенка Анджелиной Джоли, но был подвергнут остракизму за отсутствие рычащей согласной.

Здесь необходимо сделать маленькое отступление. Будущая Сука была

приобретена не просто так. Она предназначалась в жены живущему на даче кобелю, уворованному из того же питомника и выкупленному на Птичьем рынке. Покупка была совершена в состоянии аффекта - реакцией на украденную часом ранее из автомобиля магнитола. Вычурная кличка из щенячьей карточки по ходу поездки была заменена на благородное "Чингиз". Благородное имя продержалось сутки, пока женская половина не истребовала фонетического «р», которое, по мнению женщин, было необходимо для воспитания в кобеле злобы. К вечеру кобель стал Диком – ярким образцом женской логики.

Прихотью той же логики новоявленной барышне была оставлена содержащаяся в щенячьей карточке формулировка, и тут же возникла проблема общения. Дети стали звать ее Вишенка, что красиво, но непрактично. «Грайфа» вызывала у окружающих ассоциации с женщиной Востока. «Грайфа фон Вишенталь, комм цу мир, битте шнеллер», коим я развлекался первые дни, скоро приелось. Опыт подсказал, что «иди сюда, сука» собака воспринимает в качестве имени собственного гораздо быстрее. Так и прижилось.

Когда Суке исполнился год, кобеля, возжелавшего в условиях распутицы прогрызть на ходу очередное колесо, задавил трактор. Так Сука овдовела, не успев стать женщиной. Она сохранила верность ни разу не виденному жениху и, несмотря на три попытки случия с элитными кобелями, не нарушила данного обета. А вы говорите... Надо было назвать ее Кончитой.

От тех случаев произошел вброс в обычай делового общения ново-русского менеджмента старинного выражения «кобель садку делает, но в замок не встает». Такое выражение применил инструктор в ответ на претензию по поводу неудачного соития. Случай, будучи рассказан мною одному тип-топ-менеджеру, был использован тем на ближайшее же оперативке. – «Незачем тут передо мною садку делать! Вставайте в замок, непосредственно!» Так Сука, взяв за пример природную немку Екатерину Вторую, послужила очередной реабилитации русского языка в делопроизводстве.

Третьего дня, будучи в состоянии легкого подпития после затянувшегося преферанса, пришел я домой, держа в памяти необходимость выгула Суки. Взял поводок, проверил наличие сигарет, телефона и вышел на улицу. В душе возникло неприятное чувство – чего-то забыл. Похлопал по карманам, понял – забыл Суку. Вернулся, пришлось извиняться.

Так и живем.

Христиане и католики

- Мы, христиане и вы – католики, есть две субстанции несовместные. Так отвечал колхозный бригадир Семен на предложение местного батюшки отремонтировать лестницу на колокольню.

- Какой же я тебе католик, -= сердился батюшка, - Я православный, как и ты.

- Католикос и ортодоксос от одного греческого корня произошли, - пояснял Семен, не желавший, по предыдущему опыту, работать без оплаты.

Прошли годы и десятилетия...

- Общеизвестно, что слово «крестьяне» произошло от «христиане». Это самоназвание сословия, пашущего землю и обихаживающего скотину. Значит, остальные не христиане по его (сословия) мнению. Кто же они? Ну.

иностранцы, понятное дело, - немцы, то есть немые. Они не христиане, потому как католики. А татары, пашущие землю? Русские зовут их крестьянами, хотя Бог их – Мусульман. Евреи по вероисповеданию – жиды, или жиды по вероисповеданию – еврей? А если еврей землю пашет? Он что, тоже христианин? Впрочем, еврей, пашущий землю, сиречь нонсенс.

Обуреваемый этими, не приличествующими месту мыслями, я заходил в кафедральный собор русской православной церкви со вполне матримониальными намерениями вступить в союз с ее иерархами на предмет строительства церкви – не института, но здания, - из послевоенной, посаженной кровавой гэбней и проклятым Сталиным сосны. Шел 2009 год от рождества Христова и вместе с ним шел мировой кризис. Олигархи перестали покупать рубленные вручную дома, а епархия строить каменные храмы. На этой почве возник симбиоз православной церкви и оффшорного бизнеса. Оффшор в данном случае означал нахождение одного бизнеса по другую сторону Волги, в глухих керженецких лесах. В руках я нес слепленный ушлым архитектором эскизный проект пятиглавой церкви. Позднее выяснилось, что рисовал он ее с каменного храма, по технологии строительства принципиально отличающегося от деревянного, а потому невозможного быть построенным. Взятый за кадык, он признался, что до сих пор проектировал только молельный дом баптистов – пятидесятников. Но, было уже поздно. Проект получил благословение - визой на титульном листе - от местного епископа, а я устное наставление от его зама по строительству. – Смотри, сын мой, за тем, кто дает на церковь, и уж тем более за тем, кто ее строит, следит дьявол. Крепи дух и тело.

Погруженный в думы о не полученном авансе, - Бог даст, само сладится, отвечал зам на невысказанный вопрос - я вышел из собора и поневоле вздрогнул от грохота за спиной. С крыши хозяйственной постройки съехал кусок льда и аккурат за моей спиной ударился оземь. – Началось, подумал я и обратился мысленно к темным силам, - отцепись, сука, я ведь еще и аванса не получил.

По приходу домой снял с полки раритетное издания Игоря Грабаря по истории русского искусства и погрузился в мир деревянного зодчества. Через час осознал свою профнепригодность и полез в Даля. Там выяснил, что в калашный ряд не пускали не то чтобы свиней, но лиц, торгующих мякинным хлебом, то есть испечённым на основе отходов от обмолота злаковых.

Отставив Грабаря, взялся за полузабытого Красовского – не Апполинария Каэтановича, как мог бы подумать искушенный читатель, но внука ейного - Михаила Витольдовича, где и нашел, если не истину, то хотя бы чертежные планы.

Поднепровские славяне были стандартными, хотя и восточного толка, христианами до церковного раскола 1054 года. Храмы строили каменные по образу и подобию византийских. К строительству церквей из дерева приступили, также как и сейчас, от недостатка средств, в эпоху феодальных войн. Строили поначалу либо деревянных уродцев, пытавшихся копировать каменных предшественников, либо обычные избы, украшенные крестом. Перелом наступил, когда в глухих северных деревнях по берегам Северной Двины, Онеги и Мезени приучились делать шатровые церкви «на восьмерике», потом «восьмерик на четверике».

Полюбовался на великолепные иллюстрации и стал думать. Известно, что церковь есть дом Бога, а Бог любит красоту. Вот и ушел он из помпезных каменных домов католической Европы в северные леса. Бог обрусел и не стремится обратно, как ни зовут его в современные копирайты. Людей, сумевших зазвать Бога к себе и стали звать хрестьянами, а они, гордыней не обуянные, подарили это название всем живущим своим трудом на земле. Люди праздные, хоть католики, хоть православные уже не христиане, пусть хоть лоб разобьют.

Поставил я книги обратно, вышел на балкон покурить и подумал, - вот погибнет последняя крестьянская церковь и негде станет Богу жить. И так мне его жалко стало.

А свою церковь мы построили. Хорошая церковь. Главное, бабушкам нравится.

Небо Аустерлица

Когда вымотанный до предела выходишь из леса с пустой корзиной, главное – сохранять самообладание. Засуха. Грибы можно найти только в пойме лесных речушек, но грибы те, как правило, уже живописно сгнили. Раздающийся из-за поворота шум конного экипажа заставляет облегченно вздохнуть, перспектива тащиться домой пешком не вдохновляет. Бригадир Семен картинно осаживает

облезлого мерина: - Садись, барин, на русскую тройку!

Семен – любитель Тургенева в части «Записок охотника», ну и подкузьмить не прочь городского дачника.

- Откуда дровишки? - киваю я на присыпанный сеном диковинного вида термос.

- За спермой ездил на трассу. Из Иванова с племсовхоза за наличку возят.

- Что ж ближе не нашлось?

- Так у нас же стадо ярославской породы. В нашей области ее всю повывели. Надои маленькие. Но мы держим. К кормам неприхотлива, жирность опять же. В войну березой да лапником кормили, отец сказывал. Хоть стакан молока да даст. Вот и держим в ожидании будущих катаклизмов.

Разглядываю инструкцию для пользователя спермы и натываюсь на диковинное. – Вот, скажи, Семен, как знаток сельского хозяйства, - Что есть «влагалище полового члена» в описании быка ярославской породы.

- По мне так, либо то, либо другое. У осеменителя надо спросить. Видать, когда быка сдаивают, что то там находят. В природе все мудро устроено.

Слева от дороги вьется дымок небольшого костра. Семен успокоительно качает головой на мой незаданный вопрос о пожаре. – Вздымщики. Им разрешено. Я помню это смешное название профессии сборщиков живицы. Вздымщики и вздымщицы, выше вздымем знамя социалистического соревнования, - моя тяжеловесная шутка не находит отклика в окружающей природе.

Родоначальником этого почти вымершей у нас занятия являются этруски, передавшие его римлянам, а те, в свою очередь, галлам. Дерево можно подсочить как на жизнь (*gemmage a vie*), так и на смерть (*gemmage a mort*). При подсочке на жизнь на стволе делается только одна рана (каппа), которую дерево может залечить самостоятельно. Подсочка на смерть подразумевает несколько ран и максимальное истечение живицей за один сезон.

Выезжаем на ржаное поле и тут Семен начинает приглядываться и принюхиваться. Наконец, тпружит мерина и прислушивается к легкому гулу, возникающему в глубине поля. – Рожь опыляется. Давай погодим. Я в детстве видал, а с тех пор не приходилось.

Ждем. Стебли ржи как-то разом выпрямляются, их вибрация становится ощутима. Еще несколько секунд и тысячи, миллионы стеблей на бескрайнем поле разом выпускают пыльцу, которая клубится вверх и медленно опускается на только что напряженные и тут же распустившиеся бутоны.

- Вот. Было мужское начало, а стало женское, - назидательно говорит Семен. – А ты про влагалище члена спрашиваешь. В природе все правдиво, не как у людей.

Через секунду он уже забывает о только что виденном природном чуде. Я же сижу пораженный стоящей перед глазами картиной. Более эротического зрелища еще не доводилось видеть. Пестики – тычинки. Интересно, а как камни совокупаются?

Телега тащится дальше льняными, да клеверными полями. Я лежу на спине, подложив под голову термос со спермой ярославских элитных быков, и смотрю в бескрайнее голубое небо (литературный штамп, конечно, но, что поделать, коли оно и бескрайнее и голубое).

Небо Аустерлица. Интересно, что видел Лев Николаевич, когда представлял картину ранения князя Андрея на Аустерлицком поле? Себя, лежащего на камнях севастопольского бастиона в перерыве между канонадами? Или скошенный луг в Ясной Поляне с надвинутым на него небом средневропейской равнины?

Мне вот теперь будет видеться одновременный залп пыльцы неосознанно живущих стеблей ржи и ее медленное кружение над соцветьями мимодумно изменивших пол наших братьев по разуму.

Я медленно смыкаю веки, медитирую под ритмичный скрип тележных колес и начинаю видеть себя с высоты. Мой взгляд поднимается все выше в небо, и вот уже фигура человека, распятого на телеге, становится меньше и еще меньше, превращается в закрываемую облаками точку посреди таинственного треугольника, сторонами которого служат реки Волга, Унжа и Ветлуга.